

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2

Э.Э. Шульц

*канд. истор. наук, докторант,
кафедра международных отношений,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»*

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ: МАРКС И МАРКСИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются представления К. Маркса о революциях: в первую очередь, идеи о причинах революций и их типах, а также о стадийности, которые легли в основу «теории революции» в марксизме XX в. и позволили утверждать последователям этого социального учения о существовании «теории революции» у Маркса. Одной из важных задач стало разделение между идеями и определениями самого Маркса и «поздними наслоениями».

Ключевые слова: революция, теория революции, Карл Маркс, марксизм, теория революции Маркса.

E.E. Shults, The State University of Nizhny Novgorod

THEORY OF REVOLUTION: MARX AND MARXISM

Abstract. The article considers the views of Marx about revolutions: first of all, the ideas about the causes of revolutions and their types, as well as of stages, which formed the basis of the «theory of revolution» in Marxism in the XX century and allowed the existence of the theory of revolution at Marx by adherents of this social doctrine. One of the important tasks was the division between the ideas and definitions of Marx and «later layers».

Keywords: revolution, theory of revolution, Karl Marx, Marxism, Marx' revolution theory.

Марксизм стал таким объёмным и значимым явлением для XX столетия, что почти ни одна тема в социальных науках не обходится без анализа «точки зрения Маркса», «марксистского подхода» и методологии. При этом достаточно часто идейный вклад путают с идеологическим, а научный – с хорошо сделанной наукообразной публицистикой, свойственной К. Марксу, и поэтому почти всегда «марксизм» подменяет самого Маркса. Не избежало этой участи и такое исследовательское направление, как «теория революции».

Стройной «теории революции», как это стало принято трактовать в XX в. после трудов П. Сорокина, Л. Эдвардса, К. Бринтона и ряда других, у Маркса никогда не было. Основы ее пытались найти у Маркса его последователи и приписать ему в виде цельной и законченной теории, как её «основателю» и «классику». Начало этому процессу положил Ф. Энгельс в конце XIX в., а затем эстафету подхватили такие известные личности, как К. Каутский и В.И. Ленин. Дальнейшие «авторы» марксизма, как правило, безымянны, поэтому высказываемые определения и принципы приписывались самим классикам «марксизма». Созданное последователями К. Маркса заблуждение, что у него была законченная «теория революции» и до сих пор распространено в марксистской и немарксистской литературе [26, с. 385–386; 33, р. 166]. При этом, безусловно, мысли Маркса о революциях и толкования созданной на их основе концепции под общим названием «марксизм» оказали серьезное влияние на обществоведение, политологию и социологию XX в., в частности, на разработку т.н. «теории революции». И поэтому данная теория заслуживает отдельного специального исследования.

Вся история «по Марксу» – это, во-первых, сменяющие друг друга способы производства, а, во-вторых, – история угнетения одного класса другим, из чего и выросла антагонизм между классами угнетающими и угнетенными [14, с. 7; 24, с. 435]. Классовая борьба, с точки зрения Маркса, неизбежно ведет к революции и революционному переустройству общества [23, с. 424]. Именно поэтому для него «революции – локомотивы истории» [15, с. 86]. Весь процесс развития человечества, по Марксу, ведет его к последней революции – революции пролетар-

ской, которая окончательно установит на Земле новый справедливый социальный строй – социализм и коммунизм [23, с. 447].

Именно на «пролетарской революции» К. Маркс и сосредоточил свое основное внимание. Следовательно, революции являются одним из ключевых компонентов марксистской философской системы. Не случайно сам Маркс рассматривал их как коренные социальные перевороты. Необходимо различать переворот в экономических условиях производства от политических, юридических, религиозных, художественных и философских переворотов [14, с. 7]. У Маркса встречаются понятия политической и социальной революции, но определений их нет [14, с. 7; 17, с. 444]. Социальные революции докапиталистической эпохи у Маркса – это изменения в обществе, причем, происходящие не обязательно революционным путем [14, с. 93, 130].

В марксистском понимании революции Ленин выделял переход политической власти от одного класса к другому, считая, что это «есть первый, главный, основной признак революции, как в строго научном, так и в практически политическом значении этого понятия» [8, с. 133]. В XX в. в марксистском подходе к понятию революции оформилось следующее определение: революция – это «коренной переворот в развитии производительных сил и производственных отношений, переломный, поворотный период в жизни общества, означающий насильственное низвержение отжившего общественного строя и утверждение нового, прогрессивного общественного строя, завоевание государственной власти передовым, прогрессивным классом, использующим её для дальнейшего развития общества, для революционных преобразований» [1, с. 185].

Основной причиной революции, по Марксу, которая легла в основу всех воззрений марксизма, является конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями [14, с. 6–7]. Первые становятся более прогрессивными, чем последние, и через революцию ведут к смене производственных отношений. Таким образом, причинами конфликта и последствий революции являются более прогрессивные производственные отношения. Следует также учесть, что марксизм рассматривает революцию как способ перехода от исторически отжившей прежней общественно-экономической формации к новой – более прогрессивной [16, с. 612; 30, с. 574].

Маркс специально не рассматривал вопрос стадий и этапов революции, т.к. для него представляли интерес только взаимодействие и смена процессов революции и контрреволюции. Для него, революция и контрреволюция – это взаимосвязанные процессы: движение революции порождает контрреволюцию, и борьба этих противодействующих сил двигает революцию дальше, которая и становится в результате двигателем общественного и политического прогресса [20, с. 206]. Маркс обратил особое внимание на политическое движение революции, т.е. на стадиальность или алгоритм революции (в марксистской терминологии – это есть «классовое» движение). «Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – считал Маркс, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии» [11, с. 141].

Основа контрреволюции – это сопротивление «устраненных» классов и желание нового класса-эксплуататора «остановить» революцию на достигнутом [20, с. 206]. В марксистской терминологии, «термидор» рассматривался как контрреволюция, и термин «бонапартизм» получил определение контрреволюционной диктатуры крупной буржуазии, опирающейся на «военщину» и на реакционно настроенные слои отсталого крестьянства и лавирующую между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил [25, с. 4; 30, с. 59].

Понятие «бонапартизм» приписывается самому К. Марксу [3, с. 61], однако это – не совсем верно. Работа, на которую обычно принято ссылаться – «18 брюмера Луи Бонапарта» [11], – не содержит понятия «бонапартизм», и найти в ней (или в другой его работе) вышеупомянутое определение не представляется возможным. В данной работе Маркса можно найти мысли

и о неспособности пролетариата продолжать борьбу и о неспособности буржуазии «одолеть» пролетариат, но всё это не есть причины бонапартизма. И если проанализировать все упоминания Марксом в его трудах слова «бонапартизм», то он подразумевает под ним режим Луи Бонапарта и использует это слово как синоним [10, с. 438, 530, 551; 18, с. 333; 21, с. 341]. Лишь однажды Маркс употребляет «бонапартизм» применительно к Наполеону, и то опосредованно: он пишет о воскрешении бонапартизма Луи Бонапартом [22, с. 2].

Для Маркса «бонапартизм» – правление Луи Бонапарта – это действительно военный режим, поддержанный народной массой в лице консервативного французского крестьянства [11, с. 207, 208; 19, с. 559]. Маркс хорошо подметил корни бонапартизма в психологии масс: «Буржуазия, задыхаясь среди этого неопишемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, обезумев, кричит своей парламентарной республике: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!». Бонапарт понял этот крик» [11, с. 196–197].

Ленин, вслед за Энгельсом, определил бонапартизм как «лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную опору», «монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, – заигрывать, чтобы управлять, – подкупать, чтобы нравиться...» [7, с. 273; 31, с. 71–72; 32, с. 254]. «Бонапартизм, – писал он, – есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране» [7, с. 274]. Ленин соглашается, что «основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга» [6, с. 49]. В конспекте доклада о Парижской Коммуне Ленин дает, так для него характерную, короткую формулу бонапартизма во Франции при Наполеоне III: «Бонапартизм – рабочие еще не способны, буржуазия уже не способна» [9, с. 483]. Ленин уже приравнивает «бонапартизм» 1799 г. во Франции к 1849 г. [6, с. 51].

Знаменитый деятель русской революции Лев Троцкий считал бонапартизм явлением, вызванным тем, что революции некуда было идти, и она лишь могла откатываться назад. «В этих откатах под удар попадали... ее основные завоевания», которые необходимо «было сохранить во что бы то ни стало». Углублявшийся антагонизм между буржуазией и пролетариатом «держал потрясенную до основ нацию в крайнем напряжении» и требовал «национального судью» [27, с. 146]. Троцкий относил к бонапартизму правление Бисмарка в Германии (несмотря на то, что Бисмарк пришел к власти не в результате революции) [27, с. 147].

Итальянский коммунист Антонио Грамши, вопреки марксистской традиции, вводит вместо бонапартизма более широкий термин – «цезаризм». Представителями такого режима Грамши называл Цезаря, Наполеона I, Наполеона III и Кромвеля. Этот режим, считал он, возникает в результате определенных исторических событий, «кульминационной точкой которых было появление великой «героической» личности» [2, с. 185]. Цезаризм, по Грамши, служит выходом политических сил из равновесия, грозит завершиться катастрофой и представляет собой «форму арбитража» [2, с. 185].

Таким образом, в марксизме термин «бонапартизм» закрепился в понимании, как «специфическая форма контрреволюционной личной диктатуры, балансирующей на противоречиях классовых интересов» [4, с. 87; 27, с. 437, 439]. Это обобщенное понимание позволяет объединять режимы Наполеона Бонапарта и Луи Бонапарта, но нивелирует однако принципиальную разницу между этими двумя политическими феноменами, разделенными друг от друга полувековым промежутком времени. Стремление объединить двух Бонапартов в термине «бонапартизм» не позволяет точно охарактеризовать каждый из режимов, а учитывая, что в основу данного понятия были положены рассуждения К. Маркса о режиме Луи Бонапарта, феномен настоящего бонапартизма – прихода к власти Наполеона в результате Великой Французской ре-

волюции – остается в марксизме малоизученным и схематичным в изложении. Зачастую приход к власти Наполеона Бонапарта смешивается с понятием Термидора и рассматривается как единый процесс контрреволюции.

Маркс рассматривал схожесть революций в их стадиях как гротеск истории. «Гегель где-то отмечает, – писал Маркс, – что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди» [11, с. 119]. Кромвель стал прототипом Наполеона, а Наполеон – Луи Бонапарта [11, с. 200–201].

Карл Маркс знал три типа революции. Во-первых, буржуазная – та, что смела феодальный строй в Англии и Франции; во-вторых, пролетарская, она же – социалистическая или коммунистическая революция, которая установит диктатуру пролетариата и отменит эксплуатацию. Существовал и некий промежуточный вариант – революции в капиталистических странах Европы, где главным движущим классом был пролетариат, но все еще в союзе с буржуазией, и не решавший задачи по установлению диктатуры пролетариата. В дальнейшем эти революции получили наименование буржуазно-демократических, их примером стали революции в Европе 1848–49 гг.

Свою типологию революций Маркс строил на определении класса, чьи интересы реализуются в ходе данной революции: «В 1648 году, – писал он, – буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви. В 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви». «В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса» [12, с. 114].

Нидерландская революция (почти так же, как и североамериканская) не очень вписывалась в концепцию революций Маркса, поэтому она была обойдена его вниманием: Маркс, в основном, рассуждает по поводу английской и французской революций. Он называет события 1566–1609 гг. в Нидерландах не революцией, а восстанием нидерландцев против Испании [12, с. 114]. Именно этим нидерландская революция и отличалась, потому что это была национально-освободительная революция, а Маркса интересовала в революциях лишь борьба классов и смена способов производства.

Существенные различия, которые Маркс находил в буржуазных революциях в Нидерландах, Англии и Франции, списывались им на временную разницу и незрелость двух первых революций. Он писал: «Революция 1648 года представляла собой революцию семнадцатого века по отношению к шестнадцатому, революция 1789 года – победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т.е. Англии и Франции» [12, с. 115]. «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года – только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [12, с. 114].

Примером же пролетарской революции Маркс называл Парижскую Коммуну 1871 г. [13, с. 339]. Революции 1848–49 гг. в Европе, которые в марксизме XX в. стали именоваться буржуазно-демократическими, сам Маркс называл такими революциями, которые развивались по нисходящей, в отличие от предшествующих революций, которые шли по восходящей линии [24, с. 436, 443, 447–449].

Марксизм XX века признает буржуазную, буржуазно-демократическую, народно-

демократическую, социалистическую (пролетарская, коммунистическая) революции и национально-освободительные революции. Буржуазная революция направлена на свержение феодального строя, социалистическая (пролетарская) – на ликвидацию капитализма и построения коммунистического общества [1, с. 320; 28, с. 202; 30, с. 66, 632].

Как уже отмечалось, первым обратил внимание на иной тип революций, не относящийся к смене формаций, сам Маркс, выделив современные ему революции 1848–49 гг. в Европе. Эти революции, как и Парижская коммуна 1871 г., вносили методологический хаос, так как, во-первых, произошли уже в капиталистических странах, т.е. не могли быть «буржуазными». Революции 1848–1849 гг. не были пролетарскими, а Парижская коммуна вызвала вопросы по этому поводу.

В.И. Ленин в 1917 г. в работе «Государство и революция» попытался модифицировать схему революций К. Маркса, вводя приставку «народная» к революции буржуазной. Он определил отличие «народных» от «буржуазных» революций их классовым составом: союзом беднейших крестьян с пролетариями [5, с. 39–40]. Исходя из некоторых замечаний Ленина, к такому типу революций относилась и Парижская коммуна [5, с. 40]. К такому же типу революций Ленин относил и русскую революцию 1905–07 гг. [5, с. 39]. В дальнейшем в марксистской классификации эти революции получили наименование буржуазно-демократических и приводились со ссылками на указанные ленинские цитаты [1, с. 320]. Буржуазно-демократическая революция – это «такая буржуазная революция, в которой выступает со своими экономическими и политическими требованиями громадное большинство народа – рабочие и крестьяне, задавленные гнётом и эксплуатацией» [1, с. 320].

До 1917 г. в разряд этих революций попадали только «неуспешные» революции (иначе – революции «по нисходящей»), а после 1917 г. в их разряд попала и «успешная» революция 1917 г – Февральская революция в России. Буржуазно-демократические революции стали основными для периода империализма – там, где не произошли или не победили социалистические революции, или там, где необходимо было найти связующую нить с социалистической революцией при отсутствии буржуазной. К основным признаками этого типа революций в эпоху империализма были отнесены: участие в революции основных масс народа, то есть рабочих и крестьян, наличие революционного пролетариата, а также мощного аграрно-крестьянского движения [см.: 1, с. 320; 27, с. 203; 29, с. 67].

Народно-демократическая революция – это такой же результат компромисса в типологизации революций, как и буржуазно-демократические революции, который нацелен, преимущественно, на классификацию революций, произошедших в странах Восточной Европы и странах третьего мира в XX в., но не попавших под существующую типологизацию. Этому типу революций дали возможность иметь буржуазно-демократический или социалистический характер [1, с. 186; 31, с. 203].

Национально-освободительная революция вырастает из национально-освободительного движения и направлена на уничтожение иностранного господства, завоевание национальной независимости и ликвидацию национально-колониального гнёта [29, с. 9; 30, с. 415]. В связи с тем, что данный тип революций не имеет отношения к классифицирующему фактору – смене способа производства и формации, – то революция XVI в. в Нидерландах, по всем признакам относящаяся к национально-освободительной революции, отнесли к буржуазным революциям, а национально-освободительную борьба колониальных народов – к типу буржуазно-демократических движений [28, с. 203]. Таким образом, наблюдается отсутствие единого классифицирующего признака, из-за чего система не только теряет стройность, но и лишается смысла.

Итак, у Маркса не было теории революции, но лишь разрозненные, хотя и многочисленные, высказывания по поводу различных революций и о предстоящей пролетарской революции, которые с конца XIX в. «марксисты» начали систематизировать в теорию. Необходимость такой теории вызывалась практическими нуждами, а именно: созданием идеологической базы

для обоснования и подготовки «пролетарской» революции.

Идеи Маркса создали базу для марксистской «теории революции», но одновременно они заложили в это основание множество дилемм и конфликтов. Так, если человечество развивалось последовательно от первобытно-общинного к капиталистическому обществу и далее – к коммунистическому, а революции приводят к смене общественных формаций (способов производства), то почему революции стали явлением только Нового и Новейшего времени и особенностью лишь так называемого капиталистического способа производства? Если ключевой характеристикой революции является смена способа производства (исторической формации), то почему к революциям также относятся неудавшиеся революции – такие, например, как революции 1848–51 гг. в ряде стран Европы, Парижская коммуна 1871 г. и ряд других, которые ни к какой смене не привели?

Если причинами революций является конфликт между общественными производительными силами и производственными отношениями, когда прогрессивные производительные силы через революцию ведут к замене отстающих производственных отношений, то как быть с национально-освободительными революциями (в том числе революциями в США и антиколониальными революциями), ведь последние совершались против владычества государств с более развитыми производственными отношениями? Да и за океаном ситуация между метрополией (Англией) и колонией (США), с точки зрения производительных сил и производственных отношений, тоже мало чем отличалась, к тому же революция там никак не изменила ни производительных сил, ни производственных отношений, да и не могла их изменить.

Подобные вопросы можно и продолжить, но это потребует отдельного исследования, мы же обратим внимание еще на нескольких принципиальных моментах. Классовый подход Маркса в типологизации революций, во-первых, закрывает дверь сравнительному анализу революций XX в. с их предшественницами, в связи с различной постулируемой социальной базой, а во-вторых, вынужденно порождает множество «типов» революций. Кроме того, неверная социальная оценка стран развитого капитализма вела к ошибочному прогнозу на будущее самой большой на тот момент социальной группы – рабочего класса. Заострение внимания только на процессах революции и контрреволюции превращает всю картину революций исключительно в одно- или двухактную пьесу и обедняет изучение алгоритмов революций. Рассмотрение же контрреволюции как единого процесса с общей направленностью приводит к смешению различных видов контрреволюций лишь в один вид – в частности таких понятий, как термидорианский переворот и бонапартизм.

Список литературы:

1. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 36. М.: Гос. изд-во Большая Совет. энцикл., 1955. 672 с.
2. Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. / пер. с итал. Т. 3. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 566 с.
3. Джери Д. Большой толковый социологический словарь: пер. с англ. Т. 1. М.: Вече, 1999. 544 с.
4. Красин Ю.А. Революцией устранные: критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М.: Политиздат, 1975. 366 с.
5. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч.. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
6. Ленин В.И. Начало бонапартизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 48–52.
7. Ленин В.И. Об оценке текущего момента // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 271–284.
8. Ленин В.И. Письма о тактике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е.

Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 131–144.

9. Ленин В.И. Три конспекта доклада о Парижской Коммуне // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 8. М.: Политиздат, 1959. С. 483–493.

10. Маркс К. «Господин Фогт» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 14. М.: Политиздат, 1959. С. 395–691.

11. Маркс К. 18 брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 115–217.

12. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 109–134.

13. Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 17. М.: Политиздат, 1960. С. 317–370.

14. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 1–167.

15. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. М.: Политиздат, 1956. С. 5–110.

16. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 579–624.

17. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король Пруссский и социальная реформа» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 430–443.

18. Маркс К. Лондонская газета «Times» о принцах Орлеанских в Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 15. М.: Политиздат, 1959. С. 332–336.

19. Маркс К. Митинг в защиту Гарибальди // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 15. М.: Политиздат, 1959. С. 558–560.

20. Маркс К. Монтескьё LVI // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 192–207.

21. Маркс К. Отношение Австрии, Пруссии и Германии к войне // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 338–342.

22. Маркс К. Положение во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 15. М.: Политиздат, 1959. С. 1–5.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 419–459.

24. Революции 1848–1849 гг.: в 2 т. / под ред. Потемкина Ф.В., Молока А.И. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 640 с.

25. Согрин В.В. Революция и термидор. К исторической типологии общественно-политического процесса в России 90-х годов // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 3–16.

26. Стародубровская И.В. Великие революции от Кромвеля до Путина / И.В. Стародубровская, В.А. Мау. Изд. 2-е. М.: Вагриус, 2004. 510 с.

27. Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 2: Октябрьская революция, ч. 1. М.: Терра, 1997. 320 с.

28. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Константинова Ф.Б. Т. 1. М.: Совет. энцикл., 1960. 504 с.

29. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Константинова Ф.Б. Т. 4. М.: Совет. энцикл., 1967. 592 с.

30. Философский энциклопедический словарь / под ред. Ильичева Л.Ф., Федосеева П.Н. М.: Совет. энцикл., 1983. 840 с.

31. Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. С. 35–78.

32. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 203–284.

33. Tilly C. Regimes and Repertoires. London, Chicago: The University of Chicago Press, 2006. 266 p.